„ВѢЩІЕ СНЫ"

ДОН-КАРЛОСЪ.

„ВѢЩІЕ СНЫ“

I:-„ЗАРУБЕЖНЫЕ ГОСТИ“
II:-„ПЕРЕЗВОНЪ“
III:-„ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ“

ДОН-КАРЛОСЪ.

WIBORG,
ÖSTRA FINLANDS TRYCKERI A.B.
1921.

Поспѣшно выбылъ изъ столицы
Крамольный Шмель... Семнадцать верстъ
Онъ лѣсомъ шелъ вплоть до границы.
Путь указалъ небесный перстъ.
То было въ ночь Иванъ-Купалы,
Когда завѣтные костры
Пылали, озаряя скалы
На берегахъ рѣки Сестры.
Усталый, онъ прилегъ подъ елью
И, сонъ желая превозмочь,
Взиралъ, какъ надъ прибрежной мелью
Кружились вороны всю ночь.
Онъ думалъ: Русь зоветъ день новый...
Заря кровавая встаетъ,
Въ дыму пожаровъ стягъ багровый
Грабежъ и смерть на долъ несетъ.
Тамъ пробилъ часъ вражды и мщенья,
Тамъ громкій плачъ и жуткій стонъ...
Забыто чувство всепрощенья,
Забытъ вечерній тихій звонъ.

Тамъ жить — нѣтъ силъ и нѣтъ терпѣнья:
Повержень въ прахъ законъ небесъ
И душу гложетъ червь сомнѣнья,
Тамъ воцарился красный бѣсъ.
А здѣсь?... Финляндію былую
Шмель сразу даже не узналъ
И мыслилъ, что въ страну иную
Попалъ, гдѣ жилъ Сарданапалъ.
Онъ видѣлъ здѣсь во всемъ избытокъ,
Все дешево, нѣтъ лишь вина
И въ тюрьмахъ нѣтъ совдепскихъ пытокъ.
О, ты блаженная страна!...
Шмель слышалъ гдѣ-то стороною,
Что здѣсь ликуютъ каждый день
И нѣмца славятъ, что страною
Мужъ умный правитъ, а не пень.
И впрямь — пока въ столицѣ тихо,
Нѣтъ грустныхъ или наглыхъ лицъ,
Здѣсь егерь козыряетъ лихо,
Здѣсь слышатъ пѣнье райскихъ птицъ
И — рѣдкое теперь явленье —
Безпечный смѣхъ болтливыхъ дѣвъ.

Шмель видѣлъ всюду оживленье,
Онъ видѣлъ, какъ финляндскій левъ,
Задравъ свой хвостъ, неосторожно
Тянулся лапой на Востокъ.
Подмѣтилъ онъ, что здѣсь безбожно
Кичатся всѣ — и что потокъ
Людской, теперь не столь бурливый,
Умѣрилъ свой безумный бѣгъ,
Что снова близокъ день тоскливый,
Что всходы сгубитъ ранній снѣгъ.
Шмель вѣрилъ, что въ столицѣ финской
Живутъ въ условіяхъ благихъ
Евреи изъ губерній Минской,
Подольской, Томской и другихъ,
Что русскій бѣженецъ придавленъ,
Властямъ покоренъ, мало ѣстъ
И въ небесахъ давно прославленъ . . .
Собрался онъ изъ разныхъ мѣстъ.
Шмель зналъ, что щедрою рукою
Американскій красный крестъ
Снабжаетъ бѣженцевъ мукою . . .
Какой для всѣхъ красивый жестъ!

Такъ мыслилъ Шмель. Но, вдругъ, случайный
Раздался колокола звонъ
И къ небу взвился образъ тайный...
Шмель погрузился въ сладкій сонъ.

I.

„ЗАРУБЕЖНЫЕ ГОСТИ“

Ему снится тихая южная ночь... Заброшенный погость освѣщенъ трепетнымъ свѣтомъ луны. Крадучись, пробирается къ могиламъ нѣкій Знайнасъ — сотрудникъ газеты „Свинопасъ.“ Прислонившись къ покосившемуся кресту, онъ погружается въ размышленія и, послѣ небольшой паузы, медленно воздымаетъ руки къ небу.

ЗНАЙНАСЪ:

О, Богъ!... ты щедрою рукою
Меня кормилъ десятки лѣтъ.
Я былъ всегда богатъ мукою
И каждый день имѣлъ омлетъ.
Теперь, взгляни на что похожъ я —
Скелетъ и тотъ меня пышнѣй...
О, вижу я, что щедрость божья,
Какъ все условна — ей-же ей!
Ты Богъ, а я ничтожный житель
Земли твоей... Но знай: во мнѣ

Живетъ не рабъ, а злой мыслитель,
Служить готовый сатанѣ.
Сюда явился я голодный,
Чтобъ бросить здѣсь, среди могилъ,
Свой вызовъ гордый и холодный.
Ко мнѣ владыка темныхъ силъ!!...

Раздается оглушительный свистъ, поднимается вихрь и слышатся злобныя завыванія. Изъ могилы появляется сатана.

САТАНА:

Я слышу скорбныя рыданья
И стонъ вблизи могильныхъ плитъ...
Кто здѣсь въ послѣдній часъ страданья
Такъ смѣло съ Богомъ говоритъ?
Законы неба презирая,
Тебя, свободный гражданинъ,
Зоветъ къ себѣ изгнанникъ рая —
Земли печальной властелинъ.
Забудь дней прошлыхъ дѣтскій лепетъ
И голосъ совѣсти больной,
Забудь любви грѣховной трепетъ
И сладость радости земной.

Отнынѣ, гражданинъ свободный,
Твоимъ желаньямъ нѣтъ преградъ
И твой поступокъ благородный
Прославитъ каждый ретроградъ.
Тебя заботливой рукою
Я вознесу на пупъ земли
И будешь ты подлецъ душою —
Лишь гласу моему внемли...
Впредь станутъ чужды тебѣ слезы
Голодныхъ вдовъ и дѣтскій плачъ,
И всѣ надежды ихъ, и грезы...
Ликуй-же радостный палачъ!

Знайнасъ плачетъ отъ умиленья и бросается въ объятья сатаны. Вдали показывается „Нѣкто въ сѣромъ." Сатана опускается въ могилу.

ЗНАЙНАСЪ:

„Не сотвори себѣ кумира" —
Вѣщала заповѣдь небесъ...
Въ глазахъ, однако, всего міра
Кумиромъ истиннымъ сталъ бѣсъ.

„Нѣкто въ Сѣромъ", оглядываясь по сторонамъ, останавливается около погоста и прислушивается.

„НѢКТО ВЪ СѢРОМЪ:“

Какіе дни!... Какіе нравы!...
Глядишь вокругъ — вездѣ терроръ.
Скажу; „кадеты“ были правы,
Грядущій возвѣстивъ позоръ.
Въ насъ тлѣетъ духъ патріотизма
И умъ еще не омраченъ
Идеями соціализма...
Вотъ почему кадетъ спасенъ!
Я вѣрю — близокъ часъ спасенья:
Спадаетъ тягостный туманъ
И виденъ вновъ путь обновленья,
И сталъ понятенъ всѣмъ обманъ.
Намъ говорятъ, что мы сварливы,
Коварны и, подчасъ, глупы...
Однако, были-бы проливы —
Мы-бъ не сидѣли безъ крупы.
Къ морямъ тянулась Русь всемѣрно...
Въ Европу прорубивъ окно,
Мы научились ѣсть примѣрно,
А встарь жевали толокно.
Бои при Граникѣ и Иссѣ

Какъ вдохновляли весь народъ!
А мы пошли въ Каноссу къ Тиссѣ,
Чтобъ честь продать за буттербродъ.
Гдѣ нашъ былой розмахъ могучій
И слава прежнихъ грозныхъ дней,
Когда врага въ морозъ трескучій
Мы дружно гнали изъ степей?...
О, буйный вѣтеръ! Путь свободы
Намъ преградилъ презрѣнный врагъ...
Смети его — вѣдь всѣ народы
Ждутъ прежнихъ дней и прежнихъ благъ.
О, Богъ Перунъ, народомъ чтимый!
Метлой гони враговъ отсель,
Чтобъ воцарился строй терпимый,
Чтобъ вновь вручили мнѣ портфель.

Знайнасъ идетъ навстрѣчу пришельцу, протягивая руки впередъ.

ЗНАЙНАСЪ:

Откуда радостный коллега
Спѣшите рѣзвою стопой?

НѢКТО ВЪ СѢРОМЪ:

Меня крестьянская телѣга

Везла сто верстъ лѣсной тропой.
Мы миновали три заставы,
Но здѣсь насъ задержалъ пикетъ
Отъ красныхъ войскъ. Боясь облавы,
Я схоронилъ въ лѣсу мушкетъ
И пять секретныхъ документовъ.
Зашитъ былъ въ шапкѣ лишь указъ
Отъ комитета инсургентовъ.
Я путь держалъ черезъ Кавказъ...

ЗНАЙНАСЪ: (перебивая).

И прибыли безъ поврежденій?

„НѢКТО ВЪ СѢРОМЪ:

Какъ видите — я живъ и здравъ.

ЗНАЙНАСЪ:

Скажу безъ долгихъ разсужденій —
Вамъ Богъ послалъ пріятный нравъ.

Вскачь, дѣлая замысловатые пируэты, къ погосту приближается Како-Тако, нѣкогда присяжный комедіантъ. Онъ одѣтъ въ сѣрый походный сюртукъ. На немъ треугольная шляпа. Пропѣвъ куплетъ изъ „Фатеницы" — „Онъ будетъ смѣлъ" — Како-Тако становится въ наполеоновскую позу и вѣщаетъ

КАКО-ТАКО:

Недавно мнѣ снился сонъ вѣщій:
Закатомъ горѣлъ небосклонъ,
На тронѣ сидѣлъ я, зловѣщій,
И, видимо, былъ удрученъ.
Я думалъ: отсюда угрозу
Пошлю обнаглѣвшимъ врагамъ
И стану въ нелѣпую позу,
Какъ истинно радостный хамъ.
Вдругъ слышу я громкіе клики,
И стоны, и пушечный громъ,
Я вижу знакомые лики,
И нѣмцевъ полнѣйшій разгромъ.
Вотъ, крадучись, тихо ползу я
Впередъ, гдѣ подъ сѣнью знаменъ,
Ликуютъ, побѣду почуя,
Всѣ маршалы только не „онъ.“
За поясъ заткнувъ свои руки
И выпятивъ впалую грудь,
Идетъ онъ, зѣвая отъ скуки,
И шепчетъ: „меня не забудь.“
Въ восторгѣ прильнувъ къ голенищу,

Изрекъ я: о, радостный богъ,
Дозволь — сапоги я почищу
И прахъ отряхну съ твоихъ ногъ!
Въ отвѣтъ слышу голосъ надменный:
Стыжусь я такого борца —
Какъ тать и какъ воръ, ты, презрѣнный,
Вселился въ чертоги дворца.
Затѣмъ, гнѣвно топнувъ ногою
И мнѣ пригрозивъ кулакомъ,
Онъ быстро направился къ строю
Могучимъ, побѣднымъ орломъ.
Теперь лишь я понялъ причину
Насмѣшки жестокой и злой:
Нежданно впалъ генiй въ кручину
Отъ славы моей... Я — герой!!!...

Перевернувшись на одной ногѣ, Како-Тако, какъ вкопанный, останавливается передъ „Нѣкимъ въ Сѣромъ“ и, выпуча глаза, пристально смотритъ на него.

„НѢКТО ВЪ СѢРОМЪ:“

Кого мы видимъ?... Неужели
Былой премьеръ изъ дальнихъ странъ

Пожаловалъ? . . . Какія цѣли
Его влекутъ? . . . Здѣсь вражій станъ! . . .

ЗНАЙНАСЪ:

Предѣлы наглости не зная,
Самовлюбленный интриганъ
Игралъ скрижалями Синая,
Какъ въ бабки юный хулиганъ.
Былой крамольникъ подзаборный
Предалъ бандитамъ Петроградъ . . .
Вѣдь вотъ кому народъ нашъ вздорный
Въ дни смуты власть отдать былъ радъ.

КАКО-ТАКО: (щурясь.)

И впрямь, знакомыя все лица! . . .
Видалъ ихъ, кажется, во снѣ,
Когда возставшая столица
Всю ночь рукоплескала мнѣ.

„НѢКТО ВЪ СѢРОМЪ:

Конецъ пришелъ моимъ надеждамъ,
Когда, взявъ власть, ты съ первыхъ дней
Страну отцовъ предалъ невѣждамъ
И самъ, какъ тать, бѣжалъ поздней

КАКО-ТАКО:

Совсѣмъ не такъ... Я величаво
Шелъ впереди бѣгущихъ ротъ,
Затѣмъ, свернувъ случайно вправо,
Вдругъ схоронился точно кротъ.
Столица пала безвозвратно
Въ тотъ часъ, когда я пилъ бульонъ
И былъ увѣдомленъ приватно,
Что сдался дамскій батальонъ.
Но вамъ я, впрочемъ, не обязанъ
Давать отчетъ. Вѣдь мой народъ
Со мной любовью прочно связанъ
Во имя славы и свободъ.
Я говорю: промчатся годы
И вновь настанетъ ясный день,
Когда печатать будутъ оды,
Чтобъ снять съ меня былую тѣнь.

ЗНАЙНАСЪ:

О, да... Конечно, все возможно
Въ странѣ измѣны и чудесъ,
Но лучше мыслить осторожно,
Чтобъ васъ не одурачилъ бѣсъ.

КАКО-ТАКО:

Повѣрьте — явится комета
И лѣтъ, пожалуй, черезъ пять
Бандура юнаго поэта
Такъ говорить начнетъ опять:

Скрестивши могучія руки,
Взиралъ онъ на яростный бой
И скорбныя пѣсни Вампуки
Въ душѣ отзывались тоской.

*

Столица вдали утопала
Въ сіяньи осеннихъ лучей
И страстно его призывала,
Внимая бряцанью мечей.

*

Но счастье ему измѣнило:
Врагами онъ былъ окруженъ.
Съ тѣхъ поръ закатилось свѣтило
Для гражданъ и радостныхъ женъ.

*

Мнѣ кажется — здѣсь чувства много?!
„Онъ“ — это я... Былой герой

Отъ жизни ждалъ конца иного,
Но палъ, какъ дубъ, въ борьбѣ съ грозой.

„НѢКТО ВЪ СѢРОМЪ“:

Я окончательно измученъ:
Неисправимый женофилъ
Такъ ослѣпленъ собой и скученъ,
Что спорить съ нимъ не хватитъ силъ.

КАКО-ТАКО:

Объединиться намъ-бы надо
Безъ всякихъ преній и программъ
И торопливо въ наше стадо
Навербовать побольше дамъ.
Безъ дамъ, сознаться, даже скучно:
Насъ тяготитъ партійный споръ,
А съ ними говорить сподручно —
Мели хоть вздоръ... Какой просторъ!!

„НѢКТО ВЪ СѢРОМЪ“:

Объединяйтесь ради Бога,
Но насъ оставьте въ сторонѣ.

ЗНАЙНАСЪ:

Премьеръ!. — Вамъ скатерью дорога...

КАКО-ТАКО: (разводя руками).

Какъ измѣнилось все въ странѣ...

Грузно переваливаясь и озираясь по сторонамъ, появляется съ чемоданомъ эмигрантъ Дубовый. Онъ снимаетъ картузъ и отираетъ лобъ узорчатымъ платкомъ.

„НѢКТО ВЪ СѢРОМЪ“:

А вотъ еще одинъ изгнанникъ
Бредетъ изъ чужеземныхъ странъ.

ЗНАЙНАСЪ:

Давно-ли прошлыхъ дней избранникъ
Былъ гордъ и важенъ, какъ баранъ?...

ДУБОВЫЙ (усталымъ голосомъ.)

Печальныя мысли меня угнетаютъ,
Печальные образы вижу во снѣ...
Мнѣ кажется, будто враги наступаютъ
И городъ великій погибнетъ въ огнѣ.
Мерещится мнѣ, будто витязи наши,
Согбенные горемъ и острой нуждой,
Испили до дна свои скорбныя чаши
И духъ омрачаютъ взаимной враждой.

То слышу укоры и праздные толки,
Что армію нашу сгубилъ мой приказъ,
Что были бы цѣлы и овцы и волки —
Умѣй мы использовать дикій Кавказъ.
То мозгъ омрачаетъ сердечная стужа
Недавнихъ друзей или злобный ихъ
смѣхъ,
То кажется, будто чиновная лужа
Опять оживаетъ, имѣя успѣхъ...
Давно-ли я подвигъ свершилъ незаб-
венный?...
А нынѣ въ опалѣ, какъ тать-гражданинъ,
Какъ славы возможной палачъ дерзно-
венный,
Какъ явно бездарный и злой мандаринъ.
Но что намъ въ грядущемъ готовитъ
судьбина?
Увижу-ль я снова отчизны расцвѣтъ
Иль станетъ могилой лихая чужбина
И здѣсь навсегда воцарится „Советъ"?

Дубовый съ отчаянія бросается на землю и злобно рычитъ. Странники участливо окружаютъ его вниманіемъ.

КАКО-ТАКО:
Мой другъ, опасно падать духомъ...

НѢКТО ВЪ СѢРОМЪ:
Опухнетъ глазъ отъ горькихъ слезъ...

ЗНАЙНАСЪ:
Тебѣ земля пусть будетъ пухомъ...

ДУБОВЫЙ: (Указывая на сердце.)
О, сколько здѣсь разбитыхъ грезъ!

КАКО-ТАКО: (испуганно.)
Бѣдняга, кажется, рехнулся:
Я вижу — помутился взоръ...

НѢКТО ВЪ СѢРОМЪ:
Душой скорбитъ...

ЗНАЙНАСЪ:
Домой вернулся,
А тамъ галдитъ несносный хоръ.

ДУБОВЫЙ: (рычитъ.)
Родные узнаю предметы...
Вотъ мельница... (указывая на „Нѣк. въ Сѣр.“)

НѢКТО ВЪ СѢРОМЪ:

Нѣтъ человѣкъ! —
На то имѣю всѣ примѣты.

ДУБОВЫЙ:

Она уже отжила вѣкъ...
А вотъ и дубъ уединенный... (указывая на Како-Тако.)

КАКО-ТАКО: (обиженно.)

Вы говорите явный вздоръ:
Предъ вами вождь врагомъ сраженный.

ЗНАЙНАСЪ: (тревожно.)

Ложись!... Сюда идетъ дозоръ.

Всѣ припадаютъ къ землѣ. Въ сторонѣ показывается красноармейскій дозоръ.

ДОЗОРЪ: (поетъ.)

Бѣгутъ часы, крадется врагъ
Похитить хочетъ красный флагъ,
Но вѣрный стражъ не спитъ всю ночь,
Чтобъ врагъ не смогъ насъ превозмочь.

Горятъ спаленныя врагомъ
Деревни, села, но мечомъ
Оберегать дары свободъ
Велитъ возставшій нашъ народъ.

(Дозоръ удаляется.)

ДУБОВЫЙ:

Отъ страха мозгъ мой прояснился
И въ васъ я узнаю друзей.

КАКО-ТАКО:

Товарищъ рано спохватился...

ЗНАЙНАСЪ:

Пора-бы зубра сдать въ музей.

НѢКТО ВЪ СѢРОМЪ:

Поищемъ мѣсто для ночлега...
Вѣдь Святославъ — нашъ русскій князь
И сынъ воителя Олега —
Въ походахъ спать ложился въ грязь.

ДУБОВЫЙ:

Искать во мракѣ — трудъ напрасный:
Изгнанникамъ сулитъ погостъ

Пріютъ, пожалуй, безопасный...
Снаружи мы поставимъ постъ.

КАКО-ТАКО: (воодушевляясь.)

Такъ въ старину вѣщали руны:
„Великій вождь обрѣлъ пріютъ
Среди могилъ“... Баяна струны
Во славу намъ пусть запоютъ.

ЗНАЙНАСЪ:

Займемъ мѣста... Могильнымъ духомъ
Обвѣянъ будетъ всякъ изъ насъ.

ДУБОВЫЙ:

Увы! я падаль чую нюхомъ...

КАКО-ТАКО:

Спѣшите — бьетъ полночный часъ.

Слышно, какъ вдали церковный колоколъ отбиваетъ часы. Странники располагаются вокругъ ближайщей могилы. На посту остается „Нѣкто въ Сѣромъ.“

НѢКТО ВЪ СѢРОМЪ:

Что день грядущій мнѣ готовитъ?...
На прошлое бросая взглядъ,

Нѣмѣю я... Вздоръ всякій ловитъ
Мой бѣдный слухъ... Теперь наврядъ
Мы сможемъ взять бразды правленья:
Не хватитъ въ насъ ума и силъ
И даже нужнаго терпѣнья...
Народъ славянскій весь прогнилъ.
Стыдясь минувшихъ увлеченій
И прежнихъ злополучныхъ дѣлъ,
Отрекся я отъ лжеученій
И вновь душой помолодѣлъ.
Живя безъ твердыхъ убѣжденій
Я, какъ счастливый мотылекъ,
Стремлюсь впередъ безъ разсужденій,
Куда подуетъ вѣтерокъ.
Я знаю — счастье снова близко:
Надъ Русью разразился громъ,
Вновь тучи свѣсились тамъ низко
И въ городахъ идетъ погромъ...
Недаромъ вновь трубятъ Есъ-Еры,
Шипитъ въ подпольѣ меньшевикъ,
„Кадетъ“ долбитъ свой символъ вѣры
И спину чешетъ нашъ мужикъ.

Намъ, зарубежнымъ, все извѣстно,
Мы чуемъ — близится конецъ
И мнѣ, и всѣмъ да будетъ лестно
Пріять заслуженный вѣнецъ.
Все прошлое предавъ забвенью,
Я стану ждать счастливыхъ дней,
Когда по щучьему велѣнью
Воспрянетъ Русь, когда надъ ней
Вновь засверкаетъ лучъ свободы
И изступленный русскій хамъ,
Извѣдавъ тяжкія невзгоды,
Вновь устремится въ Божій храмъ.
Придумавъ тактику другую,
Я снова преподамъ осламъ,
Хотя-бы слѣва, мысль благую —
Всѣхъ женщинъ совратить въ исламъ.
Нашъ Како-Тако энергиченъ
И, кажется не столь пустой,
Какъ говорятъ... Онъ истериченъ,
Брехунъ несносный, но простой
И любитъ золото... Онъ нуженъ
Не столько лѣвымъ, сколько мнѣ...

Я съ нимъ, пожалуй, буду друженъ,
Пока враги грозятъ извнѣ.
Слипаются, однако, очи...
Пора, пожалуй, мнѣ прилечь
И вспомнить подъ покровомъ ночи
Свои статьи въ газетѣ „Рѣчь".

Ложится и мгновенно засыпаетъ. Изъ могилы появляется сатана.

САТАНА:

О, чада суетнаго міра!
Смежилъ вамъ очи тяжкій сонъ
И волей тайнаго кумира
Слухъ усладитъ пасхальный звонъ.

(Слышится отдаленный гулъ колоколовъ.)

Пусть въ каждомъ встрепенется совѣсть,
Чтобъ въ эту радостную ночь,
Повѣдавъ грѣшной жизни повѣсть,
Вновь улетѣть надолго прочь.

(Загораются звѣзды. Звонъ усиливается.)

О, ночь любви и пѣснопѣнья!
Въ твоей блаженной тишинѣ
Родится чувство всепрощенья

И гибнетъ въ звѣздной вышинѣ.
Изгнанникъ подъ твоимъ покровомъ
Призналъ свой грѣхъ... Вотъ видитъ
онъ,
Какъ гибнетъ самъ въ дыму багровомъ.
Вотъ — слышитъ вѣщій перезвонъ.

Слышится таинственный перезвонъ. Сатана опускается въ могилу.

II.

„ПЕРЕЗВОНЪ."

Пасхальная ночь. Надъ великой страной несется гулъ церковныхъ колоколовъ. Города и села погружены въ глубокій мракъ. Свободные граждане, изъ боязни быть избитыми, заперлись въ своихъ домахъ. Между городами снуютъ спекулянты хищнаго вида.

КІЕВЪ: (поетъ колыбельную пѣснь.)

Нашъ Днѣпръ могучій гонитъ волны
По волѣ праведныхъ боговъ
И вновь въ Украйну мчатся челны
Съ далекихъ вражескихъ бреговъ.
Усни народъ мой безталанный,
Спи сладко, баюшки баю:
Наступитъ скоро день желанный,
Когда очнемся мы въ раю.

*

Велѣніемъ вождей мятежныхъ
Раздался яростный набатъ
И снова въ странахъ зарубежныхъ
Возсталъ на брата гнѣвный братъ.
Спи край родной, намъ Богомъ данный,

Надежды лучшія питай:
Лишь только кликъ умолкнетъ бран-
ный —
Ты будешь славенъ, какъ Китай.

*

МОСКВА:

Ты спишь, мой ненаглядный Питеръ?

ПИТЕРЪ: (зѣвая)

О, нѣтъ... пока еще не сплю...
Нашъ городъ сторожитъ Юпитеръ
И тишь и гладь у насъ въ раю.

МОСКВА:

А хлѣба много-ли припасъ ты,
Въ запасѣ есть-ли керосинъ?

ПИТЕРЪ:

Здѣсь голодовки очень часты,
Но въ томъ виновенъ Богъ одинъ.

МОСКВА:

Я спѣшно обращусь къ Тамбову,
Чтобъ мигомъ высылалъ горохъ,
Примѣрно, къ Рождеству Христову.

Тамбовъ!... Тамбовъ!... Иль ты оглохъ?
Помѣщикъ спитъ... Онъ плутъ опасный...

ТАМБОВЪ:

Что хочетъ матушка сказать?

МОСКВА:

Вновь голодаетъ Питеръ красный —
Горошку надо бы послать.

ТАМБОВЪ:

Самъ оскудѣлъ я: Питеръ жадный
Отсюда вывезъ все, что могъ.
У самого запасъ громадный —
О томъ вѣдь знаетъ даже Богъ.

МОСКВА:

Петруша!... Стыдно жить обманомъ:
Тобою разоренъ Тамбовъ...
Онъ былъ богатъ, держался паномъ
И, вдругъ, остался безъ бобовъ.

ПИТЕРЪ:

Никто Тамбову не повѣритъ:
Извѣстно всѣмъ, что старый плутъ

Предъ нами только лицемѣритъ,
А тайно чтитъ попа и кнутъ.

МОСКВА:

Тамбовъ на картѣ генеральной
Включенъ въ обширный красный кругъ.
Его задачей спеціальной
Растить свиней... Онъ, значитъ, другъ!

ПИТЕРЪ:

Мамаша!... мы сидимъ безъ хлѣба,
Безъ сахара, безъ всякихъ крупъ
И цѣлый годъ ждемъ манны съ неба.
Намъ опротивѣлъ тощій супъ.

МОСКВА:

Торгуютъ сахаромъ дѣвицы,
Но гдѣ берутъ его — секретъ.
Быть можетъ, Кіевъ для столицы
Пришлетъ, уваживъ нашъ декретъ?

ПИТЕРЪ:

Поговори, но осторожно:
Онъ невоспитанъ и грубьянъ.
Имѣть съ нимъ дѣло невозможно,
Къ тому-жъ онъ сытъ и вѣчно пьянъ.

МОСКВА:

Попробую его взять лаской...
Кумъ Кіевъ!... славный паренекъ!
Зазнался кумъ, сдружившись съ кас-
кой...
Эй, Кіевъ, милый куманекъ!...

КІЕВЪ:

Чего тебѣ, кацапка, надо?

МОСКВА:

Какъ поживать изволишь кумъ,
Какъ веселится твое чадо
И новый сшилъ-ли ты костюмъ?

КІЕВЪ:

У самостійныхъ даже въ хатѣ
Гремитъ всѣ ночи граммофонъ,
Живу въ теплѣ, хожу въ халатѣ,
Самъ сытъ и пьянъ, и чту законъ.

МОСКВА:

Помилуй Богъ, какъ ты прекрасенъ!
Богатъ и славенъ, и учтивъ...
Такой сосѣдъ намъ не опасенъ.
Бѣда лишь въ томъ, что ты спѣсивъ.

КІЕВЪ:

Еще-бъ!... У насъ Петлюра славный
Шутитъ не любитъ... Быть тебѣ
Побитой дважды... Рабъ безправный,
Возставъ, не будетъ радъ судьбѣ.

МОСКВА:

Прекрасный Кіевъ!... Я старуха —
Безъ силъ и даже безъ зубовъ...
Уважь родной: кругомъ разруха
И обнищалъ старикъ Тамбовъ.
Ты-бъ сахарку прислалъ, родимый...
Мы разорились: вышелъ медъ,
Нѣтъ воблы, дровъ и даже въ мнимый
Напитокъ-чай, вливаемъ іодъ.

КІЕВЪ:

Ты-бъ чаще небесамъ молилась
И вняла голосу страны...
Негодница!... Ты съ кѣмъ сдружи-
лась?...
Ну, и проси у сатаны.

МОСКВА:

Однако-жъ, какъ онъ неотесанъ!...
Съ приличной дамой говорить

Не знаетъ какъ... Самъ вилой чесанъ,
А мыслитъ голодомъ морить
Первопрестольную столицу.
Но этому, кумъ, не бывать!

КІЕВЪ:

Прикажемъ мы закрыть границу
И къ ней приставимъ свою рать.

МОСКВА:

Ты, Кіевъ, шутишь?... Нѣтъ отвѣта...
Кумъ Кіевъ, спишь?... Эй, злобный
волкъ!...
Молчишь?... Такъ знай: къ началу
лѣта
Узришь московскій красный полкъ.
Дипломатическихъ сношеній
Не можетъ быть. Сепаратистъ
Пусть сотню слезныхъ шлетъ прошеній,
Чтобъ миромъ кончилъ коммунистъ.

КІЕВЪ:

Сынъ Харьковъ, встань!... Спасай ко-
рону!...

ХАРЬКОВЪ:

Я, крестный, здѣсь... стою, какъ пень,

КІЕВЪ:

Итакъ внимай: мы оборону
Должны усилить... Каждый день
Растетъ гроза Москвы надменной:
Сюда спѣшатъ ея стрѣлки...
По всей Украйнѣ суверенной
Немедленно собрать полки
И тотчасъ двинуть ихъ къ границѣ.

ХАРЬКОВЪ:

Откуда прыть?... У насъ войскъ нѣтъ.
Сосѣдъ казакъ живетъ въ станицѣ,
Но бѣлымъ онъ послалъ привѣтъ.

КІЕВЪ:

Въ тебѣ струится кровь кацапа
И говоришь ты, какъ холопъ.
Забылъ Тараса и Остапа?
Эхъ ты, россійскій „Горотопъ"!...
Отъ угля раздобрѣлъ... Галушки
Въ ротъ сами лѣзутъ... Чортовъ сынъ!
Свое оружье, даже пушки
Врагу отдалъ-бы за алтынъ.

ХАРЬКОВЪ:

Нѣтъ смысла поднимать тревогу,
Когда пробилъ предсмертный часъ,

Когда, внимая демагогу,
Народъ клянетъ боговъ и насъ.

КІЕВЪ:

Слывя ученымъ, ты на дѣлѣ
Бездарный, праздный резонеръ
И гнойный прыщъ на нашемъ тѣлѣ...
У насъ пылающій костеръ
Грозитъ спалить очагъ культуры,
А ты безмолствуешь... Позоръ!...
Насъ отъ московской авантюры
Спасетъ лишь мечъ. Пусть гнѣвный взоръ
Моей Украйны самостійной
Смутитъ врага. Пусть коммунистъ
Познаетъ насъ въ борьбѣ стихійной
И отпадетъ, какъ банный листъ.

ПИТЕРЪ:

Мамаша!... Сѣверъ вновь въ тревогѣ:
Россіи вѣрные сыны
Заговорили вновь о Богѣ
И о спасеніи страны.

МОСКВА:

Странѣ предвѣщена погибель...
Спасенья нѣтъ... Нашъ Троцкій вождь

Не столь учтивъ, какъ юный Зибель:
Врага скоситъ свинцовый дождь.

ПИТЕРЪ:

Вновь финнъ скопился въ Теріокахъ
И пѣснь воинственно поетъ
О Юмалѣ и о пророкахъ...
Въ Юккахъ поставилъ пулеметъ.

МОСКВА:

До сей поры къ намъ очень слабо
Былъ расположенъ финскій сеймъ,
Но важно то, что черезъ Або
Поспѣшно выбылъ Маннергеймъ.
Но, впрочемъ, тамъ синклитъ министровъ
Пріятенъ намъ... На высшій постъ
Назначенъ тотъ въ „странѣ магистровъ",
Кому пора бы на погостъ.
Вотъ, напримѣръ, поклонникъ моды
Птенецъ изъ финскаго гнѣзда!..
Какъ милъ сей баловень природы! —
Уменъ, во лбу горитъ звѣзда,
Вокругъ чела блескъ ореола
И отъ затылка яркій лучъ,
Стремясь къ подножію Престола,

Концомъ уперся въ толщу тучъ.
Онъ, правда, близорукъ и молодъ.
Зато-жъ, какъ радостенъ и смѣлъ!!...
Его смутитъ лишь развѣ голодъ,
Когда жевать придется мѣлъ.
Намъ говорятъ: онъ легкомысленъ
И въ обѣщаніяхъ не твердъ...
Гдѣ-жъ лучшихъ взять?... Немного-
численъ
Народъ, заброшенный на Нордъ.
Недавно будучи на службѣ,
Онъ втихомолку наровитъ
Быть съ Альбіономъ въ тѣсной
дружбѣ:
Ему приснился островъ Критъ.

ПИТЕРЪ:

Добрались финны до Печенги,
Хотятъ Олонію прибрать,
Въ войскахъ ввели строй въ три шеренги
И двинули къ границѣ рать.

МОСКВА:

Не устрашатъ орла зарницы...
Заложниковъ мы изъ „Крестовъ"
Не выпустимъ... Насчетъ границы

Покажемъ знакъ изъ трехъ перстовъ.
Отнынѣ знаетъ врагъ сраженный
Всю нашу мощь: вѣдь онъ бѣжитъ
И близится тотъ день блаженный,
Когда нашъ мечъ весь міръ сразитъ.
Въ снѣгахъ Сибири и Украйны,
И тамъ, гдѣ плачетъ тихій Донъ
Лежитъ нашъ врагъ и неба тайны
Ему вѣщаетъ вѣчный сонъ.
У насъ въ хозяйствѣ недочеты,
Но лишь подписанъ будетъ миръ,
Съ буржуями сведемъ мы счеты
И сгинетъ радостный вампиръ.
Пусть знаютъ даже эмигранты,
Что наша армія труда,
Разрушивъ замыслы Антанты,
Дастъ миръ для міра навсегда.

ПИТЕРЪ:

Еврейчикъ вновь забилъ тревогу:
Ему мерещится погромъ,
Но надо знать, что онъ, ей Богу,
Жилъ только праведнымъ трудомъ.

МОСКВА:

Въ Россіи нѣкогда великой,

Всегда въ умахъ былъ недородъ.
Теперь страною полудикой
Сталъ править избранный народъ.
И что-же?... Вдругъ свершилось чудо:
Мужикъ доволенъ тѣмъ, что сытъ,
Рабочій тоже ѣстъ не худо
И всюду входъ ему открытъ.

ПИТЕРЪ:

Интеллигенція чуть дышетъ,
Профессоръ, вѣря въ саботажъ,
Бѣжитъ отъ насъ и злобой пышетъ.
Наукамъ учитъ метранпажъ...

МОСКВА:

Излишне намъ образованье...
Библейскій старецъ буквъ не зналъ,
А стадо мирное баранье
Въ рукахъ желѣзныхъ какъ держалъ!
Образованье губитъ душу,
Образованье старитъ всѣхъ...
Ногою твердой ставъ на сушу,
Забудемъ этотъ смертный грѣхъ.

ПИТЕРЪ:

Учитель съ нами несогласенъ
И чтитъ отверженный букварь.

Но, кажется, декретъ нашъ ясенъ...
Зачѣмъ-же чтить, что было встарь?

МОСКВА:

Считать отнынѣ внѣ закона
Учащихъ ненавистный классъ
И, объявивъ о томъ съ амвона,
Предать бѣсамъ въ полночный часъ.

ТАМБОВЪ:

Нашъ врагъ въ лѣсахъ сзываетъ банды
И снова бунтомъ намъ грозитъ ...
Онъ съ хлѣбомъ захватилъ шаланды
И гдѣ-то спряталъ динамитъ.

МОСКВА:

До сей поры питая нѣжность
Къ врагамъ, совѣтъ мудрѣйшихъ спалъ.
Онъ нынѣ видитъ неизбѣжность
Жестокой казни. Клерикалъ
Воспрянулъ духомъ, тать коварный
Вновь спѣшно точитъ свой кинжалъ.
Къ оружью всѣ — и кумъ пожарный,
И даже царскій генералъ!!...

ПИТЕРЪ:

У насъ юстиція хромаетъ:

Нѣтъ стойкихъ, праведныхъ людей
И гражданъ явно развращаетъ
Судья — отъявленный злодѣй.

МОСКВА:

Признавъ, что быкъ вполнѣ пригоденъ
Судить людей, онъ въ храмъ введенъ:
Коль хвостъ воздыметъ — ты свободенъ,
Опуститъ внизъ — ты осужденъ.

ВСѢ ГОРОДА:

Аминь . . .

На землю спускается облако, скрывающее всѣ предметы. Слышится погребальный звонъ. Облако постепенно исчезаетъ и показывается погребальная процессія. Трупы, прикрытые рогожей, везутъ рабочіе, прикованные къ тачкамъ. Впереди процессіи шествуетъ кладбищенскій комисаръ, а за нимъ три представителя отъ „Отдѣла Управленія". Всѣ они въ красныхъ плащахъ и съ шестами, увѣнчанными красной звѣздой. Комисаръ и представители власти, вмѣсто погребальной пѣсни, поютъ „заповѣди блаженства", данныя русскому народу III-мъ Интернаціоналомъ.

Блаженъ, забывшій запахъ хлѣба
И видъ, и вкусъ его, и цвѣтъ,
Велѣньемъ праведнаго неба
Иной онъ міръ узритъ и свѣтъ.

Блаженъ, въ комъ гаснетъ лучъ раз-
судка,
Въ комъ скорбный обликъ мертвеца:
Пришелъ, знать, волею желудка
Конецъ достойный мудреца.

*

Блаженъ, скончавшійся въ страданьяхъ:
Себя возлюбитъ онъ сильнѣй.
Нѣтъ радости въ земныхъ скитаньяхъ,
На небѣ лучше — тамъ сытнѣй.

*

Блаженъ, отрекшійся отъ злата
И радостей земныхъ, и благъ:
Умомъ своимъ затмивъ Сократа,
Онъ возгордится тѣмъ, что нагъ.

*

Блаженны всѣ сыны коммуны,
Въ гробу нашедшіе пріютъ:
Давида трепетныя струны
Имъ пѣснь отходную споютъ.

*

Блаженъ, презрѣвшій стоны чрева
Будь то сынъ Евы иль козла:

Въ раю онъ вкуситъ плодъ отъ древа
Познанія добра и зла.

*

Блаженны пасынки природы,
Забывшіе уютъ гнѣзда:
Зато у нихъ печать свободы —
На лбу сіонская звѣзда.

*

Блаженъ, смирившійся предъ Рокомъ
И жизнь отдавшій за „Советъ“:
Воспѣтъ онъ будетъ лжепророкомъ
И всѣми чтимъ десятки лѣтъ.

*

Блаженъ, кто мѣтитъ въ комисары,
Будь то шинкарь иль брадобрей:
Въ пустыняхъ пламенной Сахары
Онъ приметъ смерть отъ егерей.

*

Процессія скрывается. Изъ могилы появляется сатана.

САТАНА:

Въ груди почившаго пылаетъ
Огонь вражды... Онъ видитъ адъ
И лучъ былой надежды таетъ...

Онъ снова жизни былъ-бы радъ.
А здѣсь скиталецъ зарубежный
Въ себѣ таитъ мятежный духъ,
Чтобъ, крахъ предвидя неизбѣжный,
Потѣшить вздоромъ умъ и слухъ.
Уходитъ въ вѣчность годъ кошмарный,
Вновь плугъ начнетъ ковать кузнецъ,
Но ты взгляни, холопъ бездарный,
Какой себѣ куешь вѣнецъ:

(Сатана скрывается.)

III.
„ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ“.

Въ подвалѣ заброшеннаго особняка за большимъ столомъ расположились сановники былого времени. Ихъ исхудалыя лица искажены голодомъ и злобой. Нѣкоторые изъ нихъ сидятъ съ поникшими головами и тяжко вздыхаютъ. Царитъ гробовая тишина. Передъ каждымъ ломоть хлѣба и кружка съ водой.

СТАРѢЙШІЙ: (предсѣдательствуетъ).

Однако, мало здѣсь собралось
Былыхъ прославленныхъ мужей:
Вѣдь въ спискѣ двадцать пять считалось
Однихъ лишь стариковъ пажей.
Въ подполье насъ загналъ мучитель,
Отнявъ мундиры и чины . . .
О, гдѣ грядущій повелитель
И церкви стойкіе сыны? . . .

ГЕНЕРАЛЪ:

Лазури цвѣта жаль мнѣ ленту
И саблю, данную за бой.
Отняли все — звѣзду и ренту . . .
Какъ видно, взысканъ я судьбой.

I-й САНОВНИКЪ:

Подъ видомъ грека проживая,
Я былъ накрытъ совсѣмъ врасплохъ
Въ вагонѣ здѣшняго трамвая
И такъ избитъ, что вмигъ оглохъ.

II-й САНОВНИКЪ:

Застрялъ я здѣсь вдвоемъ съ женою,
А дочки выбыли на югъ.
Страдаемъ мы... Порой ночною
Я грѣю чайникъ и утюгъ.
Судьбой лишенный самовара,
Съ утра бѣгу за кипяткомъ
Въ ближайшій намъ трактиръ „Тамара“,
Гдѣ даже пахнетъ кизякомъ.

I-й САНОВНИКЪ:

А дѣти аспидамъ подобны...
Душа въ нихъ темная, какъ ночь,
Лгутъ артистически и злобны...
Беру въ примѣръ хотя бы дочь.
Однажды въ нишѣ подворотни
Ей приглянулся въ поздній часъ
Веселый парень красной сотни —
Когда-то мичманъ-ловеласъ.

Затѣмъ они встрѣчались тайно,
„Учитель“ ей романсы пѣлъ
И вотъ, конечно, не случайно
Амуръ любовью ихъ согрѣлъ.
Съ тѣхъ поръ, влюбившись въ анархиста,
Она клянетъ отца и свѣтъ
И только бредни атависта
Плѣняютъ дѣву зрѣлыхъ лѣтъ.
Скажу, что мичманъ былъ хвастливымъ,
Мечталъ, какъ пылкій Карапетъ
И почиталъ себя счастливымъ,
Окрасивъ душу въ красный цвѣтъ.

СТАРѢЙШІЙ: (перебивая)

Напомнить избраннымъ дерзаю,
Что надлежитъ рѣшить вопросъ —
Кому у власти быть?... Я знаю —
Убогъ и слабъ великороссъ...

II-й САНОВИКЪ: (перебивая)

Умомъ, конечно, и терпѣньемъ...

I-й САНОВНИКЪ: (перебивая)

Его прельщаетъ всякій вздоръ
И, какъ глупецъ, онъ съ наслажденьемъ
Привѣтствуетъ страны позоръ.

III-й САНОВНИКЪ:

Великій грѣхъ великоросса
Подмѣченъ мною съ давнихъ поръ:
Онъ при рѣшеніяхъ вопроса
Всегда вступаетъ въ скучный споръ

II-й САНОВНИКЪ: (перебивая)

Онъ даже въ преніяхъ научныхъ
Обычно сводитъ съ кѣмъ-то счетъ
И много словъ наскажетъ скучныхъ.

I-й САНОВНИКЪ:

Да, есть въ немъ этотъ недочетъ.

ГЕНЕРАЛЪ:

Какъ низко пали наши нравы,
Нѣтъ дисциплины, нѣтъ ума
И чернь грубитъ... Мы были правы:
Ждетъ русскихъ нищаго сума.
Въ былые дни рабовъ стегали
И наши дѣды, и отцы,
Но лишь пороть ихъ перестали,
Глядишь — кругомъ все наглецы.

I-й САНОВНИКЪ:

О, нѣтъ, коллега... Развѣ можно
Винить огуломъ весь народъ?...

ГЕНЕРАЛЪ:

Ну, выражаясь осторожно,
Скажу: кругомъ сыны свободъ.

I-й САНОВНИКЪ:

Мнѣ кажется — мы оба правы...
Но намъ врага не превозмочь
И не видать дней прежней славы.
Опять въ примѣръ беру я дочь.
„Отецъ, отецъ оставь угрозы“ —
Она поетъ мнѣ каждый день
И, щеки выкрасивъ въ цвѣтъ розы,
Спѣшитъ „къ нему“, скользя, какъ тѣнь.

СТАРѢЙШIЙ: (перебивая)

Итакъ приступимъ къ обсужденью
Вопроса важнаго для насъ.
Найдемъ предѣлы заблужденью
Разнузданныхъ широкихъ массъ.

II-й САНОВНИКЪ:

Задамъ вопросъ довольно острый:
Какъ намъ быка взять за рога?...

I-й САНОВНИКЪ:

Составъ народа слишкомъ пестрый —
Словами не унять врага.

III-й САНОВНИКЪ:

Возстановляя государство,
Намъ надлежитъ безъ лишнихъ словъ
Варяга вновь призвать на царство.

I-й САНОВНИКЪ:

Удобно-ли?... Варягъ суровъ.

III-й САНОВНИКЪ:

Въ цни грозныхъ бурь и смутъ великихъ
Намъ нуженъ грозный властелинъ.

II-й САНОВНИКЪ:

Въ борьбѣ съ ордою полудикихъ
Полезнѣй будетъ цеппелинъ.

ГЕНЕРАЛЪ:

Но развѣ пушекъ у насъ мало?

II-й САНОВНИКЪ:

А гдѣ-же нужныхъ взять людей?

ГЕНЕРАЛЪ:

Робѣть намъ вовсе не пристало:
Въ странѣ найдется чародѣй.

I-й САНОВНИКЪ:

Я сомнѣваюсь... Было время,
Когда и въ насъ пылалъ огонь,
И по плечу было-бы бремя...
Теперь осѣлъ ретивый конь.

СТАРѢЙШІЙ:

За дѣло намъ пора бы взяться:
Бѣгутъ часы, не дремлетъ врагъ...

ГЕНЕРАЛЪ:

Не научился онъ сражаться
И намъ не страшенъ красный флагъ.

III-й САНОВНИКЪ:

Вы, генералъ, оптимистичны:
Отъ власти прежней нѣтъ слѣда.
Остались здѣсь лищь хамъ столичный
Да казнокрадъ... Вотъ въ чемъ бѣда.

ГЕНЕРАЛЪ:

Согласенъ... многіе бѣжали —
Кто за границу, кто на югъ...
Но мы-то скованы изъ стали
И съ нами Галлъ, нашъ вѣрный другъ.

II-й САНОВНИКЪ:

Намъ аммуницію достать-бы...
Патроновъ сто и восемь латъ
Хранилъ я въ погребахъ усадьбы,
Но ихъ прибралъ врагъ-демократъ.
Однако, намъ для тайной рати
Составить слѣдуетъ наказъ...

I-й САНОВНИКЪ: (перебивая)

Согласенъ я... Теперь же, кстати,
Продолжу начатый разсказъ:
„Онъ", правда, молодъ и, къ тому-же,
Дочь говоритъ, что сердцемъ чистъ.
И вотъ, живя мечтой о мужѣ,
Ей снится грязный коммунистъ...

СТАРѢЙШІЙ: (перебивая)

Однако, къ дѣлу... Намъ разстрѣломъ
Давно грозитъ презрѣнный врагъ.

I-й САНОВНИКЪ: (смущенно)

Я духомъ слабъ, а также тѣломъ,
Къ тому-жъ не воинъ и не магъ.

ГЕНЕРАЛЪ: (воодушевляясь)

На бой зову сыновъ отчизны:

Воспряньте всѣ — и младъ и старъ!
На полѣ брани справивъ тризны,
Побьемъ врага, какъ билъ татаръ
Земли великой князь удалый.
Но что мнѣ жизнь, когда кругомъ
Царитъ хаосъ, когда флагъ алый
Сулитъ испепелить мой домъ.

I-й САНОВНИКЪ:

Я слушаю и только млѣю
Отъ искреннихъ, прекрасныхъ словъ,
Но вашу поддержать затѣю
Не хватитъ силъ у стариковъ.
Мы духомъ немощны... Заботы
Совсѣмъ иныя точатъ умъ:
Мы всѣ безъ средствъ, всѣ безъ работы
И всѣ полны предсмертныхъ думъ.

III-й САНОВНИКЪ:

Правительство избрать пора-бы —
Вѣдь умныхъ много здѣсь головъ,
А то толчемся мы, какъ крабы,
Шумимъ и тратимъ бездну словъ.

СТАРѢЙШІЙ:

Итакъ, кому же быть у власти?

I-й САНОВНИКЪ:

Не намъ... не мнѣ — я инвалидъ.

ГЕНЕРАЛЪ:

Но лучше-ль быть у волка въ пасти?

I-й САНОВНИКЪ:

О, помоги намъ царь Давидъ!

II-й САНОВНИКЪ:

Душа скорбитъ и трепетъ сердца
Нѣтъ силъ порою превозмочь...
Надежда всѣхъ на иновѣрца —
И та исчезла въ эту ночь.
Намъ думалось, что въ дни невзгоды
Не будетъ мѣста распрямъ всѣмъ,
Что возмущенные народы
Объединятся и, затѣмъ,
На радость намъ, въ одно мгновенье
Врагъ злобный обратится въ прахъ.
Ошиблись мы... Гдѣ умъ, терпѣнье
И за семью священный страхъ
У тѣхъ, кто прошлое забвенью
Предалъ и осмѣялъ боговъ?...
Ужель по щучьему велѣнью
Въ рай обратится станъ враговъ?

III-й САНОВНИКЪ:

Сладчайшій, приторный Маниловъ
Въ семьѣ интеллигентной живъ,
Какъ живъ презрѣнный Репетиловъ...
Нашъ гражданинъ и трусъ, и лживъ.
Недавно, въ дни былого счастья,
Огнемъ пылалъ нашъ гордый взоръ.
Предъ кѣмъ теперь мы въ дни ненастья
Такъ пресмыкаемся?... Позоръ!!...

I-й САНОВНИКЪ:

Слова „матросикъ“ и „солдатикъ“
Во всѣхъ склоняя падежахъ,
Не думалъ я, что нашъ „касатикъ“
Тогда-жъ мечталъ о грабежахъ.

II-й САНОВНИКЪ:

А мужичка превозносили
Писатели на всѣ лады
И, какъ святыню лапоть чтили.
Теперь зримъ горькіе плоды.

ГЕНЕРАЛЪ:

Я мягкосердыхъ либераловъ
Велѣлъ бы шомполомъ пороть

И вмигъ усердіемъ капраловъ
Имъ исцѣлилъ-бы духъ и плоть.

І-й САНОВНИКЪ:

Надежды нѣтъ... Велѣньемъ Рока
Должны мы несть тяжелый крестъ
Или, примѣръ беря съ пророка,
Бѣжать изъ сихъ постылыхъ мѣстъ.

На порогѣ появляется „Военный въ маскѣ". Въ ужасѣ всѣ поднимаются съ мѣстъ. Пришелецъ вооруженъ револьверомъ, пикой, винтовкой и саблей, На спинѣ у него пулеметъ.

ВОЕННЫЙ ВЪ МАСКѢ:

Сановныхъ лицъ вѣнчая славой,
Гнететъ раба всесильный Рокъ,
Чтобъ жизнь инымъ была забавой,
Чтобъ всякъ сверчокъ зналъ свой шестокъ.
Сей истины познаньемъ славенъ
Былъ человѣкъ до сей поры.
Онъ зналъ, что моськѣ слонъ не равенъ,
Что даль яснѣй видна съ горы.
Бывало, гордые сознаньемъ
Своихъ заслугъ, мы брали власть
И, устрашенный наказаньемъ,

Смыкалъ крамольникъ свою пасть.
Лицу съ высокими чинами —
И то былъ страшенъ нашъ мундиръ:
Одинъ доносъ, скажу межъ нами,
Въ прахъ обращалъ былой кумиръ.
Пусть не смущаетъ васъ мой лепетъ:
Своимъ я другъ, врагамъ — змѣя.
Забывъ первоначальный трепетъ,
Вы угадайте: кто-же я?...

*

Давно, въ дни юности безпечной
Я часто думалъ въ тишинѣ,
Что Юлій Цезарь въ славѣ вѣчной,
Сойдя съ небесъ, живетъ во мнѣ.
Въ томъ убѣждаясь ежечасно,
Я ликовалъ, какъ готтентотъ,
Но скоро, впрочемъ, стало ясно,
Что я хоть Юлій, да не тотъ.
Лѣтъ семь спустя приспѣло время,
Мнѣ получить резервный полкъ.
И вотъ, взваливъ на плечи бремя,
Я ощетинился, какъ волкъ.
Однако, скоро по причинѣ
Кафе-шантанныхъ разныхъ дѣлъ
Меня убрали... Въ томъ-же чинѣ
Я принятъ былъ въ такой отдѣлъ,

Гдѣ люди, гордые призваньемъ,
Мели измѣну и враговъ
Съ непостижимымъ прилежаньемъ.
Понятно-ль вамъ кто я таковъ?

*

Я предъ тевтонскимъ изваяньемъ
Однажды палъ, но былъ сраженъ
Газетой „Свѣтъ“ и съ покаяньемъ
Понесъ главу въ станъ праздныхъ женъ.
Тѣмъ временемъ сатрапъ вельможный
Вновь кликнулъ кличъ... Со всѣхъ концовъ
Неслись къ нему на пиръ возможный
Птенцы прославленныхъ отцовъ.
Вотъ группа, правда, небольшая
Всерусскій водрузила стягъ
И, воздухъ гимномъ оглашая,
Мечъ извлекла... Но гдѣ-жъ былъ врагъ?
Прельщенный смѣлостью сатрапа,
Я предложилъ ему свой трудъ
И скоро, рвеніемъ арапа,
Привилъ себѣ служебный зудъ.
Въ блаженный день, когда лампасы
Мнѣ Богъ послалъ, я сталъ красивъ,
Какъ дикій конь степей Пампасы
И, какъ индюкъ, порой спѣсивъ.

Такъ шли года... Цвѣла крамола,
Туземецъ чтилъ лишь свой законъ
И слалъ къ подножію престола
Посланія со всѣхъ сторонъ.
Тогда рукою дерзновенной
Я настрочилъ такой доносъ,
Что даже, памяти блаженной,
Сатрапъ вскричалъ: „Воспрянулъ Россъ"!
Но вслѣдъ затѣмъ его не стало...
Онъ палъ отъ мстительной руки...
Врагъ ликовалъ... Насъ было мало,
Его-жъ — несмѣтные полки.
Вдругъ, грянулъ громъ... Людскимъ потокомъ
Вновь были улицы полны
И я, не будучи пророкомъ,
Понялъ стремленія волны.
Припомнивъ, какъ погибла Троя,
Я влѣзъ въ сундукъ, приказъ отдавъ
Отправить кладь въ „Ковчегѣ Ноя"
На „Волчій Островъ", гдѣ Густавъ
Воздвигнулъ гордыя твердыни.
Теперь, надѣюсь даже тотъ,
Въ комъ черепъ полонъ гнилью дыни,
Пойметъ, гдѣ вѣрный нашъ оплотъ.

II-й САНОВНИКЪ:

Пришелецъ, кажется, изъ „бѣлыхъ“ —
Въ немъ виденъ умъ, онъ милъ и простъ.

СТАРѢЙШІЙ:

Не видя злого въ мысляхъ зрѣлыхъ,
За гостя предлагаю тостъ:

ВСѢ:

Ура!... ура!... ура!...

СТАРѢЙШІЙ:

Прекрасно!...
Теперь прошу присѣсть къ столу.
Здѣсь Іуды нѣтъ, здѣсь безопасно,
А мѣста хватитъ и волу.
Затѣмъ прошу у всѣхъ вниманья...
Изъ насъ пусть каждый чтитъ сей день
И, въ память долгаго страданья,
Постится тотъ, кому не лѣнь.
Примите хлѣбъ и пейте воду
Въ воспоминанье мрачныхъ дней.
Пусть человѣческому роду
Впредь станетъ жизни цѣль яснѣй.
Я истинно скажу — сегодня,
Быть можетъ, ждетъ меня разстрѣлъ...

Да будетъ воля въ томъ Господня —
Я отжилъ вѣкъ... Я устарѣлъ.

„Военный въ маскѣ“ быстро поднимается и, окинувъ всѣхъ пристальнымъ взглядомъ, поспѣшно удаляется. Всѣ въ недоумѣніи. Неожиданно появляется тѣнь Окаяннаго.

СТАРѢЙШІЙ:

Тѣнь Окаяннаго!!!... Изъ царства
Могилъ сырыхъ гряди кумиръ,
Чтобъ насъ отъ злобы и коварства
Спасти и дать желанный миръ.

ТѢНЬ ОКАЯННАГО:

Велѣньемъ Рока погребенный
Во цвѣтѣ лѣтъ, ума и силъ,
Я ожилъ вновь, чтобъ прокаженный
Власть, данную отъ Бога, чтилъ.
Изъ царства мертвыхъ я проклятья
Принесъ поборникамъ свободъ.
Пусть одураченные братья,
Стыдомъ горя, пойдутъ въ народъ.
Отнынѣ лишь властямъ покорный
И нашей церкви вѣрный сынъ
Пріятенъ намъ... Пусть подзаборный
Нашъ врагъ — писатель-гражданинъ —

Пріемлетъ муки Прометея
И государственный орелъ
Терзаетъ сердце лиходѣя.
Пусть прежней власти ореолъ
Вновь озаритъ мозги невѣрныхъ
И вновь внушитъ глубокій страхъ
Вождямъ изъ стана лицемѣрныхъ
Случайно сверженный Аллахъ.
Восходитъ день... Своей десницей
Онъ ввергнетъ ихъ въ кромѣшный адъ
И надъ восточною столицей
Развѣетъ нестерпимый смрадъ.

Тѣнь исчезаетъ. Присутствующіе окаменѣваютъ и остактся съ протянутыми впередъ руками.

LUX
LIBERTAS